

МЫ БЫЛИ ГОТОВЫ

Глядя на ребят в морской форме, подмечая каждый их вздох, каждое движение мышц лица, слыша немного вздрагивающий голос, осознаешь, что они волнуются, что в душе у них море эмоций и человеческой благодарности к людям, которые встали в зале торжественных событий Славутичского горсовета и встречали их искренними, дружными аплодисментами. Их, представителей экипажа военного корабля «Славутич», который последним остался без команды у севастопольского причала.

Мы были готовы

(Начало на стр. 1).

Когда слышишь по телевизору о военных конфликтах в какой-то далекой стране, конечно же, сопереживаешь, как и любой нормальный человек. Но когда беда приходит в твой дом, а затем ты встречаешь живых участников необъявленной войны, тех, кого еще несколько дней назад показывали все телевизионные каналы страны, хочется выразить им свою поддержку, узнать подробности тех трагических событий. Как это было, что ощущали они в критические моменты? Вспоминаю тяжелые минуты, человек еще раз осмысливает происшедшее с ним и свое поведение в экстремальной ситуации. Именно так и произошло во время беседы корреспондентов газеты «Теледень – Славутич» с командиром корабля управления «Славутич», капитаном второго ранга Дмитрием Глуховым.

– Дмитрий Сергеевич, а что вы делали, пока корабль находился ТАМ?

Мы сознательно не назвали место нахождения корабля. Дмитрий, поняв наше состояние, ответил просто:

– Да он и сегодня там! Мы находимся в готовности, чтобы по первой команде ехать туда и привести его в Одессу. Сейчас экипаж находится в Одессе на береговой базе и занимается поддержанием своих профессиональных и боевых навыков, насколько это возможно в отсутствие своего корабля. Основные направления этой подготовки – борьба за живучесть, стрелковая и огневая подготовка, основные общевоинские дисциплины.

Нас, людей гражданских и не присутствовавших на месте тех событий, конечно же, очень интересовал вопрос, почему наши не стреляли и в чем заключалось активное противостояние агрессивным действиям противоположной стороны. Поэтому и вопрос встал конкретный:

– Когда вы находились в осаде, было ощущение, что дадут команду стрелять? Вы были готовы к активному отражению агрессии?

– Мы были готовы. В принципе военные и нужны для этого. Но команды как таковой не поступило. Не было объявлено о ведении боевых действий. Кроме того, народ Крыма – это тоже украинцы и врагов там искать не стоит, а проведение кораблем боевых действий практически в черте города обязательно привело бы к напрасным жертвам среди мирного населения. Естественно, мы не могли этого допустить.

– А как произошел захват корабля?

Дмитрий Глухов, вздохнув, задумался, а потом тихо начал отвечать на наш вопрос:

– Вопрос тяжелый, для нас простой и быстро об этом не расскажешь. Если первые дни нашего нахождения в бухте мы могли упасть на берег, используя катер и лодки, то последнюю неделю нас запечатали полностью и отрезали связь с берегом. С родными мы иногда перекрикивались, когда последние приходили на причал. В день захвата в 16.00 нами была задействована так называемая местная самооборона, в то же время наш корабль уже был заблокирован и не мог выйти в море. Учитывая, что верхняя палуба была под прицелом снайперских точек, мы с начальником штаба приняли решение, чтобы не подвергать лишней угрозе членов команды и не создавать напрасные провокационные действия, перенести центр обороны в нижние отсеки. С помощью российских буксиров корабль был непосредственно пришвартован к причалу. Люди, которые видели захват корабля, говорят, что нападающих было 60–80 человек. Часть команды была изолирована в носовой части корабля. Никаких звонков из вышестоящих штабов не было, мы были, по сути, предоставлены самим себе. После нескольких часов активной рукопашной борьбы, когда началась откровенная открытая зачистка корабля, во избежание напрасных жертв среди личного состава, по инициативе начальника штаба бригады был начат процесс переговоров о выводе членов экипажа. В реальности как таковых переговоров не получилось. Мы только прошлись по отсекам, нашли всех членов экипажа и убедились, что с ними все в порядке, не считая легких телесных повреждений. Потом экипаж под конвоем был выведен на землю. Мы держались до тех пор, пока сохранялась возможность, пока были корабельные запасы, а когда этого не стало, пропал и смысл обороняться. Никаких приказов сверху так и не поступило. Завершился захват в 22.00.

– А паники среди членов экипажа во время осады не было?

– Нет. На тех кораблях, где была паника, быстрее сдавались, а «Славутич» был последним украинским кораблем с украинским экипажем. Из 120 человек экипажа 64 сегодня в Одессе. К остальным военнослужащим, которые остались служить в Крыму, у меня противоречивые чувства. Я не могу назвать их предателями.

Представьте себе ситуацию: муж служит в украинском ВМФ, а жена – в российском. Личная драма семьи. У других семей в Крыму есть собственный дом, дети школу заканчивают, старые родители – и это тоже немалые проблемы. Так что за то, что нарушили присягу, – да, осуждаю, но предателями, врагами назвать их не хватает духу. Неправильно это будет. Другое дело те, кто сразу сам перешел на сторону противника.

– А насколько ощутимой оказалась денежная помощь славутичан экипажу вашего корабля?

– Я уже выразил благодарность всем славутичанам за моральную и материальную помощь. Она нас очень поддерживала и укрепляла наше мужество. Первая материальная помощь в размере 6 тысяч гривен сразу же была направлена на приобретение специальной верхней формы одежды: прорезиненных плащей и специальной непромокаемой обуви, а также очень необходимых в условиях полной светомаскировки светильников и ручных фонариков. Ну, а после того, как нас высадили на берег, где на оккупированной территории мы находились 21 день, деньги пошли на проживание и питание экипажа.

– Ходят слухи, что многие моряки жалеют о том, что не остались в Крыму, так как на новом месте им не предоставили нормальных условий для проживания. Как вы можете это прокомментировать?

– Наш экипаж был размещен на учебной базе. Офицерские семьи размещены в санаториях. Я бы не сказал, что это нечеловеческие условия. Трудно представить, чтобы вот так сразу нам предоставили жилье. Мы ведь понимаем, что страна сейчас находится в тяжелом положении, идут бои на востоке. Кроме того, военный человек должен быть готов к трудностям. По мере возможностей бытовые вопросы решаются. За наем жилья офицерскому составу выплачивается компенсация, что говорит о помощи со стороны государства. Поэтому брошенными я нас назвать не могу. Трудности всегда были, но мы военные люди и должны понимать сложившуюся ситуацию.

Мы поблагодарили Дмитрия Глухова за интервью и пожелали всем членам команды «Славутича» поскорее подняться на борт родного корабля.

Людмила БОГУН,
Вадим ИВКИН